

ГОЛГОФА АТАМАНА

*К 150-летию генерала и писателя
Петра Краснова*

Тимофей Прокопов

Обозревая долгую жизнь белого генерала и атамана казачества П.Н. Краснова (1869–1947), ставшего в эмиграции популярным беллетристом и мемуаристом, видим, как явственно поделилась она на две совсем не равнозначные части. Одна, большая и яркая, была беззаветным служением отечеству, посвященным защите рубежей России. Другая, хоть и совсем малая, всего-то двухлетняя, но перечеркнувшая все им свершенное, оказалась во власти политических безумств, приведших его к трагическому концу. В первой он — достойный преемник традиций своего старинного рода: в его семье и пращуре, и потомки были доблестными воинами, жизни не щадившими в сражениях за родину.

Таким был и он сам, участник двух царских войн. Однако, прожив почти всю жизнь германски, полководец кончил совсем плохо. В кровавых пучинах XX века затянуло его в бунтарские распри и в новые войны, Гражданскую (1917–1922) и Вторую мировую, для нас Великую Отечественную (1941–1945), да так вовлекло, что свою карьеру он, оказавшись далеко не последним деятелем русской эмиграции, принужден был завершить бесславно и предательски — на службе у тирана, одурманившего Европу фашистской чумой, а мученическую смерть принял на виселице у тирана другого, ослепившего российский народ несбыточными иллюзиями.

Читая талантливые книги Краснова (они почти все у нас сегодня изданы), россияне тем не менее должны знать и помнить (такое не забудется никогда), что человеческая судьба их автора явила пример горький и черный, дающий всем урок назидательный.

О ГЕРОЙСКОМ РОДОСЛОВИИ

*То не солнце, братицы, взошло же оно красное,
То воспроиздился да казаченька, добрый молодец...
Ой воспроиздила его, добра молодца, земля русская.*

Из казачьей песни

Итожа свой светлый путь воина, Петр Краснов в мемуарах (а их у него девять томов!) исповедально писал, чем воспламенялся более всего другого, к чему честолюбиво и страстно стремился: да, он славы всегда желал великой — но не для себя, громких побед — но не себе, а все ей — России. И, цитируя гимн суворовских богатырей «Наши деды — славные победы», восторгался простецкой песенной мудростью, звавшей с саблей острой в руках к одолениям любых врагов отечества. Этим же воодушевлялись в красновском роду все его представители. О них, своих знаменитых родичах, Краснов младший не уставал горделиво повествовать не только в мемуарах, но и в книгах других жанров: в романах и романых хрониках (их у него более тридцати и большинство автобиографические), в публицистике (это сотни очерков, статей, военных дневников). Из них мы теперь в подробностях узнаем и о самом авторе.

В истории этой замечательной, «генеральской» семьи интересные сведения дошли до наших дней об одном из ее родоначальников Иване Козьмиче (Косьмиче) Краснове (1752–1812). Уроженец донской станицы Букановской службу начал ординарцем А.В. Суворова и у него, уже за боевые заслуги, получил первые офицерские погоны. Он стал (вместе, кстати, с М.И. Кутузовым и М.И. Платовым) активным участником суворовских военных кампаний: русско-турецкой (1787–1791) и двух польских (1794–1795). О героической жизни свое-

го прадеда П.Н. Краснов рассказал в 1896 году в книге, посвященной легендарному атаману Платову. 8 марта 1799 года Павел I присвоил Краснову 1-му чин генерал-майора и наградил Мальтийским крестом, а затем он же за что-то изгнал его со службы. Однако в строй генерала вернул Александр I: назначил его 8 мая 1803 года атаманом только что образованного Бугского казачьего войска.

В Отечественную войну 1812 года Иван Козьмич опять сподвижник Кутузова: теперь ему доверено командовать соединением из девяти казачьих полков. В сражении у Колоцкого монастыря 24 августа 1812 года, в самый канун Бородинской битвы, он был смертельно ранен — второй раз и в ту же правую ногу: ее, раздробленную ядром, пришлось ампутировать. Но операция не спасла от гангрены. Через два дня гроб с телом генерала увезли в Москву и при огромном стечении народа похоронили в Донском монастыре. Вскоре здесь же рядом с ним были упокоены павшие герои Бородины. Ратные подвиги казака отмечены были высшими орденами России и многими почестями. Его имя золотом занесено на доску славы в храме Христа Спасителя в Москве, а много позже, с 26 августа 1904 года, когда отмечалась очередная годовщина кончины суворовца, Красновским стал именоваться 15-й Донской казачий полк. (Тут заметим: трагична судьба этого полка. После Октябрьского переворота 1917 года он вышел из подчинения Краснова-правнука, власть в нем захватили большевики и увели казаков к красным, а у них часть реформировали.)

Почетными отличиями славен был и дед Петра Николаевича — Иван Иванович Краснов (1800–1871). Он получил блестящее образование в пансионе Харьковского университета, где особенно преуспел в изучении философии и русской литературы, а также овладел несколькими европейскими языками. Но по семейной традиции предпочтение было отдано все-таки воинской службе. В 1828 году Иван Иванович ушел на русско-турецкую войну и с мест сражений отправлял жене веселые (дабы не волновать любимую) письма-репортажи... в стихах! Военные кампании он закончил в чине генерал-майора. В 1843 году ему доверили возглавить лейб-гвардии Казачий сводный его императорского величества полк, о боевом пути которого он напишет книгу. В Крымскую войну 1854–1856 годов генерал успешно руководил обороной Таганрога.

Именно ему, Ивану Краснову, довелось положить начало новой семейной традиции — увлеченному занятию писательством. Он публиковал (в основном в «Военном сборнике») историко-этнографические очерки, не утратившие и донные значения: «О казачьей службе», «Низовые и верховые казаки», «Малороссияне на Дону», «Иногородние на Дону», «О строевой казачьей службе», «Оборона Таганрога и берегов Азовского моря», «Донцы на Кавказе» и др.

В одном из очерков автор упомянул и своего сына Николая (1833–1900) как участника Крымской войны

*Командный состав
Добровольческой
армии. Генералы
А.П. Богаевский,
А.И. Деникин,
П.Н. Краснов.
Станция Чир. 1918*

1854–1856 годов. Сын сперва, недолго, командовал батареей в Таганроге, оборону которого возглавлял отец генерал-майор, а затем молодой артиллерист попал в самое пекло — в героически отбивавшийся от врагов Севастополь. Здесь на мундире офицера появились первые боевые награды. В дальнейшем их у него будет много, но дорожил он более всего севастопольскими, да еще теми, что были ему вручены в 1877–1878 годах за участие в сражениях по освобождению Болгарии в войсках генерала М.Д. Скобелева. Ему доведется получить высшее военное образование в Академии Генерального штаба и дослужиться до чина генерал-лейтенанта. Николай Иванович станет одним из основоположников русской военной статистики, курс которой его удостоили чести преподавать даже будущему императору Николаю II.

В мирные дни Николай Краснов наряду со службой много печатался, стал известным публицистом, прозаиком, историком казачества. Его имя еще при жизни было внесено в литературные и иные энциклопедии, прежде всего за то, что он — автор исследовательских трудов, не утративших актуальности и сегодня. Назовем некоторые из них: «Военно-статистическое описание земли Войска Донского» (1864), «Граф Чернышев и войсковые донские атаманы» (А.К. Денисов, А.В. Иловайский, Д.Е. Кутейников), «Исторические очерки Дона» (1881–1882), «Казачий флот» (1885), а также исторические повести «Казак Иван Богатый» (1882), «Тяжкий грех Булавина» (1884) и др. За исследовательские работы Императорская Академия наук присудила Краснову-отцу золотую медаль. В таганрогском семейном архиве найдены также его философские труды и рукописи других сочинений, оставшиеся неизданными. Здесь же сохранились некоторые из документов о семейном родословии Красновых.

Когда 10 сентября 1869 года родился будущий вождь Белого движения, отец его служил уже в Петербурге, в Главном управлении иррегулярных войск. Семья военачальника была немалая: пятеро сыновей, даровитых, трудолюбивых, достигших в жизни очень многого, — о каждом стоит сказать особо.

Говоря о талантах, которыми были отмечены все сыновья Николая Ивановича, следует указать на существенное: почетных чинов и отличий, прервав традицию, они достигли уже не в армии, а на гражданской службе. Старшие Красновы-братья учились на физико-математическом факультете Петербургского университета. Андрей (1862–1914) окончил на физмате отделение естественных наук и впоследствии стал видным ботаником, географом, кругосветным путешественником, автором десятков научных трудов. Много лет профессор заведовал кафедрой географии в Харьковском университете. В течение своей недолгой жизни ученый выступал инициативным организатором и участником географических, ботанических, страноведческих экспедиций в Северную Америку, на Кавказ, в горы Тянь-Шаня, Юго-Восточную Азию, Центральную Индию, Японию, Китай, на Цейлон. Ценнейшие гербарии, собранные ботаником, вошли после его скоростной кончины в коллекции Петроградского и Харьковского университетов, а также Ботанического сада в Батуми, который он же и основал (здесь ему посмертно был поставлен памятник). Скажем и еще об одном увлечении Андрея Николаевича — литературные переводы. В частности, он перевел и в 1913 году издал научный труд Вольтера «Море и его жизнь».

Второй брат Петра Николаевича, Платон (1866–1924), стал известным «железнодорожным генералом» — действительным статским советником, автором до сих

пор высоко ценимой в профессиональных кругах монографии «Сибирь под влиянием рельсового пути» (1902). Своим его считали и в среде литературской. И вовсе не потому, что в 1891 году он породнился с Александром Блоком — женился на его тетке, писательнице Екатерине Андреевне Бекетовой. Еще в юношестве Платон Николаевич начал печатать в журналах, как и его старший брат Андрей, плоды своих досужных бдений — переводы У. Шекспира, Дж. Байрона, Э.Т.А. Гофмана, Г. Гейне, Г. Лонгфелло, Т. Мура, Овидия, Тибулла. А в 1889 году магистр математики издал сборник из собственных стихов. Он активно сотрудничал в журналах «Изящная литература», «Новый мир» и других, печатая в них статьи, рецензии и даже философские очерки. Литературным событием стали книги античных классиков: Сенеки «Избранные письма к Люцилию» (1893) и Марка Аврелия «К самому себе. Размышления» (1895), вышедшие в переводах Платона Краснова.

КАК ПРИШЛО ПИСАТЕЛЬСТВО

*Уж вы гой еси, ребята,
Вы донские казаки!
Вы подайте мне коня,
Как ясного сокола.*

Из казачьей песни

Младшему из братьев, Петру Николаевичу, выпало на долю успешно продолжить вовсе не эту, учено-литературскую, а военную семейную линию Красновых, чуть было не прервавшуюся. Причем, не по принуждению это вышло, а по его же собственному выбору, сделанному еще в годы обучения в школе Александровского кадетского корпуса. Окончив в 1887 году корпусную школу блестяще — по баллам вторым, юный вице-унтер-офицер не пожелал далее менять военный мундир на студенческий, как сделали братья, а решил продолжить учебу в престижном 1-м Военном Павловском училище.

Здесь он сам делает существенное пояснение: «Большинство нас — и что редко бывает, — вся головка класса, “первые ученики”, обычно шедшие в специальные училища — Артиллерийское и Инженерное, — кадеты с высокими баллами по математике шли в 1-е Военное Павловское училище». То есть лучшие — шли в пехоту?! Такой выбор действительно казался странным хотя бы потому, что артиллеристам и инженерам служебных преимуществ впоследствии выпадало неизмеримо больше, нежели пехотинцам. Даже несмотря на то, что и Александр III, и Николай II считали училище павлонов своим подшефным и — «главным рассадником верных и честных слуг Вере, Царю и Родине»: его выпускникам открывалась прямая дорога в гвардию.

Объяснялся странный выбор просто: наивные кадеты-мальчишки, как приключенческим романом, зачитывались превосходно составленной «Книгой для чтения в ротах, эскадронах и командах», в которой завлекательно воспевались подвиги именно пехотинцев. На обложке красовалась загадочная надпись составителя военной хрестоматии: «Старый ротный командир». Загадка вскоре раскрылась: этим «старым ротным» оказался любимец кадетов, командир их же роты полковник Николай Федорович Кольдевин. Через полвека Петр Николаевич растроганно и благодарно вспоминал: «Кольдебаш» (такое прозвище юнца приклеил старому вояке) приходил к ним (грудь в орденах!) «в “пустые” часы, когда не было преподавателя, и рассказывал о доблести пехоты, о святости смерти за Родину, о величии подвига пехотного солдата. Он увлекал нас — не блеском, но скромностью подвига в пехотном бою» (П. Краснов. Павлоны. Париж, 1943).

Все павлоны учились весьма прилежно, а Краснов был круглым отличником. На втором курсе его назначили фельдфебелем Государевой роты, в которую отбирались не только самые рослые и спортивные крепыши, но и лучшие по успеваемости. И училище он окончил по высшему разряду с занесением имени на почетную доску. Вновь испеченного хорунжего (в других войсках это корнет и подпоручик) 10 августа 1889 года зачислили в комплект Донских казачьих полков с прикомандированием к лейб-гвардии Атаманскому его императорского высочества наследника цесаревича полку, старейшей (год основания 1775) и самой элитной донской части из тех, что были расквартированы в столице. Он помнил, что когда-то атаманцем служил и его дед Иван Иванович.

Доволен ли был павлон таким, казалось бы, почетным назначением? Увы, нет. «Здесь (в училище. — Т.П.) я был первым, — делится он с нами печалью, — там, куда я еду, — буду последним. Прикомандированным. В голубой Атаманской семье я буду пятном своим красным околышем фуражки, своими алыми лампасами — буду “краснокожим”, как называли в гвардии прикомандированных от полевых полков». Однако печаль была недолгой: всего-то через год она сменилась радостью, когда его шаровары армейца украсились вместо «краснокожих» лампасами голубыми: началась его лейб-гвардейская служба. И продолжалась она без малого двадцать лет.

Все его служебные продвижения и производства в чины перечислять не будем: дело это обычное армейское, одинаковое у всех. Остановимся только на событиях, ставших в его дальнейшей судьбе главными.

Вот одна из вех: в официальном органе военного ведомства «Русский инвалид» 17 января 1891 года появилась некроложная заметка «Генерал-лейтенант В.Г. Золотарев», под которой стояла подпись Краснова. Этой скромной публикацией о скончавшемся начальнике Главного управления казачьих войск открывается огромная теперь библиография печатных творений Петра Николаевича.

Его журналистский дебют, хоть и был он весьма неприметен, заметила, однако, старейшая петербургская

Генерал Петр
Краснов (справа) и
генерал Тимофей
Доманов

военно-научная и литературная газета «Русский инвалид» (1813–1918): редакция тотчас привлекла офицера к постоянному сотрудничеству. Лейб-гвардеец в течение нескольких лет вел здесь рубрику «Вторник у генерала Бетрищева», вскоре ставшую в войсках очень популярной. Наверное, потому, что темы ее были самые животрепещущие — быт и моральный облик русского офицера, русские полководцы, проблемы коневодства и подготовки конницы как рода войск, конный спорт в армии... Эти публикации время от времени попадали даже на стол императора: прочитав, Николай II отправлял их со своими пометками военному министру.

Прервемся на миг, чтобы не пропустить еще одно важное: в этой же газете, возобновившейся с 22 февраля 1930 года, но теперь в Париже, продолжилось активное сотрудничество Краснова-эмигранта. Читатели-ветераны снова встретились с уже знакомым им псевдонимом «Гр. А.Д.» под статьями, очерками, рецензиями. Здесь же впервые увидели свет автобиографические книги Краснова «Павлоны», «На рубеже Китая», «Накануне войны». В «Русском инвалиде» он опубликовал литературно-критические статьи о произведениях, которые тогда всеми читались и обсуждались, — о романах В.В. Набокова «Защита Лужина» и М.А. Алданова «Бегство» (1932. № 35), об очерковой книге С. Гребенщикова «Родина» (1932. № 36), о повести А.И. Куприна «Юнкера» (1933. № 51). Газета не забывала рецензировать и книги своего давнего автора. Это были обстоятельные разборы его «офицерской» трилогии «Largo» (1930. № 5), «Выпашь» (1932. № 33) и «Подвиг» (1932. № 48), исторических романов «Цесаревна» (1933. № 57), «Ненависть» (1934. № 72 и 74), «Екатерина Великая» (1935. № 80).

Оказавшийся талантливым литератором, офицер с 1890-х годов много печатался в десятке изданий. Его рас-

сказы, очерки, статьи, обзоры печати, рецензии появлялись в газетах «Новое время», «Биржевые ведомости», «Петербургская газета», «Петербургский листок», журналах «Новое слово», «Новый мир», «Отдых», «Вестник русской конницы», «Военный сборник», «Нива»...

Красновское увлечение «муками слова» оказалось столь всепоглощающим, что скорее всего именно оно, как предполагают биографы, стало причиной, может быть, ошибочной перемены в его судьбе: поступив в 1892 году (как и его отец когда-то) в Академию Генштаба, он не сдал какой-то экзамен за первый же курс и был отчислен (есть и другая версия — причиной отчисления явился конфликт с начальником академии генералом Н.Н. Сухотинным). Но, действительно, в тот год Петр Николаевич с головой погрузился вовсе не в предэкзаменную зубрежку: он готовил к печати рассказы для своего первого сборника «На озере» (1895), писал тогда же очерки, которые составят сборник «Ваграм» (1898), а еще собирал и обрабатывал архивные материалы для двух документальных книг: «Атаманская памятка. Краткий очерк истории лейб-гвардии Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка» (1898) и «Суворов» (1900).

Тогда же, в 1896-м, вышли в свет сразу четыре книги Краснова, привлечшие внимание: его первые серьезные исторические исследования «Атаман Платов», «Донской казачий полк сто лет тому назад», «Казачи в начале XIX века» и сборник военной новеллистики «Донцы».

В тот же 1896-й он становится семьянином: венчается с дочерью действительного статского советника, известной в Петербурге камерной певицей Лидией Грюнезейн. И браку этому суждено будет стать счастливым и долгим. Отныне куда бы ни бросала офицера его ратная доля, всюду верной спутницей и помощницей была Лидия Фе-

доровна. Уж не потому ли, что в первый же год замужества ей пришлось испытать, что такое разлука с любимым? Когда супруга командировали аж на год в Африку, Лидии Федоровне не позволили последовать за ним.

Увлекательное это путешествие едва не сорвалось. Приказ назначить Краснова начальником казачьего конвоя Императорской дипломатической миссии в Абиссинию (чего он долго добивался) пришел, когда Петр Николаевич уже перестал его ждать, — за день до отъезда, 13 октября 1897 года. Однако к следующему утру он в полной готовности явился на Николаевский вокзал. Здесь участники чрезвычайной правительственной экспедиции сели в поезд «Петербург — Одесса». А далее — переход на корабле через Черное, Средиземное и Красное моря до Джибути, затем — конным строем по африканской раскаленной земле, до абиссинской столицы Аддис-Абебы.

В Африке русские дипломаты занимались впервые очень важным государственным поручением — установлением дипломатических и иных отношений с Абиссинией. Краснов же и его конвойцы тоже не сидели без дела — они стали весьма полезными инструкторами, обучившими гвардейцев императора Менелика II. Благодарный негус за это наградил русских орденами, в частности Краснова — Эфиопской звездой. От своего правительства, уже в Петербурге, он получит Станислава 2-й степени (3-ю степень ордена ему вручили раньше). Наградить русских сочла необходимым также союзная Франция: Краснов был удостоен ордена Почетного легиона.

Однако итогом главным этого трудного, но такого экзотически яркого странствия, запомнившегося Краснову на всю жизнь, стал его беллетризованный дневник, который он посвятил цесаревичу Михаилу Александровичу и великой княжне Ольге Александровне (с ними его жизнь не раз пересечется и в дальнейшем). Увлекательное повествование было издано трижды под разными названиями (в некоторых публикациях их ошибочно считают книгами разными) — «Казачи в Африке. Дневник начальника конвоя российской императорской миссии в Абиссинии в 1897–1898 гг.» (1899, 1900) и «Казачи в Абиссинии» (1909). Книга явилась, как теперь говорят, всеми читаемым бестселлером. К абиссинским впечатлениям и приключениям офицер, ставший писателем, возвращался впоследствии не раз: они подсказали ему темы для африканских повестей (в основном для юношества) «Любовь абиссинки», «Крунеш», «Аска Мариам», «Мантык — охотник на львов».

Попутно заметим: на рубеже XIX–XX веков не только Краснов направлялся в путешествия (не скроем: иные с разведывательными целями). Пограничье России изучалось десятками наших отрядов. Полярным исследователем начал свою службу будущий адмирал, правитель Сибири, соратник Краснова по Белому движению А.В. Колчак. На Памире рекогносцировкой занималась военная экспедиция полковника Ионова, а в нее входили капитаны Генштаба Л.Г. Корнилов и Н.Н. Юденич, будущие вожди Белого движения, с которыми судьба — мир тесен! — близко сведет Краснова.

Вслед за ними в сентябре 1901 года, но не только в эти малоизученные юго-восточные земли, пошлют и Петра Николаевича. В руках у него будет, однако, не предписание Генштаба, как у других, а командировка от газеты «Русский инвалид». На этот раз в трудный конный поход по горам и долам Азии и Дальнего Востока отправилась с ним и Лидия Федоровна (она была отличной наездницей). И опять итоги путешествия подвела книга путевых очерков: дважды изданный объемистый том в 616 страниц «По Азии» (1903) с иллюстрациями художника Н.С. Самокиша, с фотографиями и картами. О том, где побывали супруги, мы узнаем из авторского предисловия.

«Перед вами, — обращается путешественник к читателям, — описание поездки моей в Манчжурию, Китай, Японию, Индию, совершенной по приказанию начальства для изучения быта как наших, так и иностранных войск. Поездка эта продолжалась шесть с половиной месяцев, с сентября 1901 года по март 1902 года. Очерки пути моего, составляющие содержание этой книги, были напечатаны в “Русском Инвалиде” за 1901–1902 годы. <...> Я побывал за эти полгода в городах: Иркутск, Хайлар, Цицинкар, Харбин, Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийск, Омосо, Гирин, Порт-Артур, Ниокоу, Чифу, Тянь-Цзынь, Пекин, Нагасаки, Кобэ, Иокогама, Токио, Шанхай, Гон-Конг, Сайгон, Сингапур, Коломбо, Подишери, Калькутта, Бенарес, Агра и Бомбей».

«Прочтите мою книгу, — приглашает в заключение автор, старавшийся поинтереснее написать свое приключенческое повествование. — Соблазнитесь пересечь Индию от Бомбея через Агру, Дели, Бенарес, Дарджилинг и Калькутту... умилитесь перед Гималаями и Дарджилингом».

БОЕВЫЕ КРЕЩЕНИЯ

*Ай не две-та тучушки грозные
Вместе сходи... они сходилися —
Ой две армеюшки, они превеликие,
Вместе они съезжа... они съезжались.
Ой они билися только все рубилися.*

Из солдатской песни

Словно прозрев от иллюзий, навеянных экзотическими красотами, писатель вскоре встревоженно обратит внимание на то, чего раньше не замечал его восторженный взор путешественника: так понравившаяся ему Япония усиленно готовилась к войне. Это прозрение явилось поздно, лишь тогда, когда узналось: японские миноносцы торпедировали русскую эскадру в Порт-Артуре. Краснов, занявший к этому времени пост полкового адъютанта (т.е. начальника штаба) Атаманского полка, тотчас подал прошение: направьте на фронт. Но лейб-гвардейцев посылать на войну не спешили: считали, она вот-вот закончится, нечего им там делать. И Петр Николаевич при-

нял предложение поехать к местам сражений военным корреспондентом от своего родного «Русского инвалида».

«Что это за враг — большинство солдат никогда не слышало, — напишет Краснов в 1939 году в мемуарной книге «Русско-японская война». — Лишь старые сибирские стрелки видели японцев во время войны в 1900 году, когда вместе с ними ходили освобождать посольства, осажденные в Пекине китайцами (в этой экспедиции побывал и Краснов. — Т.П.). Разное говорили про японцев. Маленький, щупленький, некрасивый, а дерется хорошо, смело идет вперед, отлично слушается офицера, горячо любит свое отечество. И рассказывали на ночлегах и в походе старые солдаты и офицеры, что японцы поклялись или умереть, или победить русских, что, отправляясь на войну, они навеки прощались с родными, вписывали имена свои в поминовение, как вписывают уже умерших».

Оказавшаяся для русских постыдно проигранной, эта война дала, однако, тысячи воинов, героически себя проявивших. Тем из них, с которыми Краснова свела судьба солдата и писателя, он посвятил, помимо десятков очерков в «Русском инвалиде», еще и книги — двухтомник «Год войны» (1905, 1911) и «Русско-японская война»: «Да не умрут в памяти Родины их подвиги и страдания».

Среди фронтовых встреч и знакомств той поры были и такие, о которых он не раз будет вспоминать и писать впоследствии. Встречи и знакомства начались еще в эшелоне, шедшем через всю Сибирь к местам сражений. Три военных корреспондента, капитан Генштаба Деникин, подъясаул Краснов и подпоручик запаса Кравченко, на этом долгом пути устроили нечто вроде импровизированного «литературного клуба». На вечера-чтения и диспуты, проводившиеся ежедневно в одном из вагонов, собирались десятки офицеров во главе с начальником Забайкальской дивизии генералом П.К. Ренненкампом, также выступавшим с интересными воспоминаниями.

Здесь и Петр Николаевич читал свои корреспонденции, прежде чем послать их в газету. «Статьи Краснова, — вспоминал позже А.И. Деникин, — были талантливы, но обладали одним свойством: каждый раз, когда жизненная правда приносилась в жертву “ведомственным” интересам и фантазии, Краснов, несколько конфузясь, прерывал на минуту чтение: “Здесь, извините, господа, поэтический вымысел — для большего впечатления...”». Но мемуарист в этом месте не удержался от несправедливого попрека, в котором отразилось то, что уже тогда едва начавшаяся дружба офицеров стала перерастать в неприязнь и вражду. Деникин пишет: «Элемент “поэтического вымысла” в ущерб правде прошел затем красной нитью через всю жизнь Краснова — плодovitого писателя, написавшего десятки томов романов; прошел через сношения атамана с властью Юга России (1918–1919), через позднейшие повествования его о борьбе Дона и, что особенно трагично, через “вдохновенные” призывы его к казачеству — идти под знамена Гитлера...» (Деникин А. Путь русского офицера. М., 2004. С. 75–76).

Краснов в том «восточном экспрессе» познакомился также с командующим Тихоокеанским флотом С.О.

П.Н. Краснов перед Первой мировой войной

Макаровым и академиком батальной живописи В.В. Верещагиным. Адмирал пригласил корреспондента совершить с ним боевое плавание на флагманском броненосце «Петропавловск». Только случайность удержала тогда Краснова от принятия приглашения столь лестного, но оказавшегося роковым. Как известно, этот выход в море стал последним для флотоводца и его знаменитого друга-художника: корабль в Порт-Артуре был японцами атакован торпедами и затоплен.

Встретился корреспондент на той войне и с Николаем Николаевичем Юденичем, стрелковый полк которого отличился тогда в нескольких сражениях. Плечом к плечу с ним Краснов будет воевать в годы Гражданской войны, когда, расставшись с атаманством, вступит в его Северо-Западную добровольческую армию.

К интересным встречам тогда же прибавилась еще одна: во время кровавого Мукденского сражения военный корреспондент сражался в составе дивизиона конных разведчиков, командовал которыми барон Карл Густавович Маннергейм, тот самый, с которым Петр Николаевич в 1919 году совершит свой неудавшийся поход на Петроград и который позже станет маршалом Финляндии и ее президентом.

Лишь об одном скромно умолчал Краснов в своих воспоминаниях: о том, что в подробно им описанном сражении под Тюренченом и он принял боевое крещение, и он был там, где всего жарче, где с ним рядом «доблестные стрелки и офицеры явили в этом тяжком бою достойный пример русской храбрости и отваги». В списках награжденных мы встречаем имя подъяесаула Краснова: он был удостоен ордена Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Вскоре к этой награде прибавились новые: за бои под Ляояном — орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а за бои на реке Шаха и под Мукденом — мечами к его «аф-риканскому» ордену Святого Станислава.

Завершивший войну фронтовик Краснов получил в своем лейб-гвардии Атаманском полку назначение сотником, а в 1907-м его откомандировали на переподготовку в Офицерскую кавалерийскую школу. Окончил учебу Петр Николаевич с отличием и был оставлен инструктором. О том, какой из него вышел педагог, узнаем из аттестации, одной из немногих и едва ли не единственной из отысканных биографами. Приведем ее полностью, поскольку в ней дан объективный портрет Краснова-офицера.

«Службу знает отлично, — пишет заместитель начальника школы князь Д.П. Багратион, — относится к ней с увлечением, а потому представляет для подчиненных прекрасный пример, проявляя строгую требовательность, беспристрастие и заботливость. Отлично знает быт офицера и нижнего чина. Подробно изучил самобытный уклад казачьей жизни. Здоровья отличного. Хороший манежный ездовик и превосходный, неутомимый, лихой наездник в поле. Очень развитый, способный и в высшей степени любознательный, талантливый штаб-офицер, не только интересующийся военным делом, но и проявляющий к нему исключительную любовь. Много раз бывал за границей. Знает иностранные языки. Следя за военной литературой, принимает в ней важное участие, за свои талантливые статьи давно отмечен крупными авторитетами.

Работоспособность и энергия его, разумная инициатива строевой деятельности исключительные, поэтому всякое поручение исполняется этим штаб-офицером превосходно и с ярким оттенком высокого воинского духа. Прекрасный семьянин, чужд кутежей, азарта и искания популярности. Рассудительный, тактичный, настойчивый, с сильной волей и характером, он пользуется авторитетом у сослуживцев и подчиненных. Бережливый к казенному интересу, одарен организаторскими способностями. Выдающийся штаб-офицер этот достоин возможно скорейшего выдвижения по службе и назначения командиром казачьего полка без очереди».

Как пишет Краснов, пошучивая над собой, «такой-сякой распродостойнейший штаб-офицер» начинает 1910 год в чине полковника и наконец-то, на сорок втором году жизни, добивается вожделенного — получает полк. Не беда, что это производство в высокий чин принудило его опять сменить важный для карьеры лейб-гвардейский мундир на скромный армейский. Не

беда, что случилось это служебное продвижение «по особой протекции», потому, что он — «тётенкин хвостик» (сейчас сказали бы «по блату»).

Петр Николаевич, действительно, был на счету очень хорошем у своего высшего начальства. «Мои учителя и профессора, — пишет он, — которые знали меня кадетом, юнкером и на младшем курсе Академии, были теперь на верхах. Они меня не забыли». В его столичном круге дружеского общения были генералы известные, заслуженные: А.А. Поливанов, Н.П. Безобразов, Н.П. Михневич, П.К. Кондзеревский, В.М. Остроградский, К.А. Ширма. Петр Николаевич был вхож в генеральские дома столицы, он и у себя устраивал с женой, популярной певицей, офицерские журфиксы, множившие круг его знакомств и дружб. Помимо этого, как мы уже знаем, ему довелось давно обратиться на себя внимание даже венценосца и его семьи.

Видел Краснов императора особенно часто в свои первые восемь лет офицерства, когда ежегодно участвовал в парадах, маневрах, смотрах, конноспортивных праздниках в Михайловском манеже и в Красном Селе. Здесь охотно бывали Николай II, его жена и дети. Петр Николаевич не раз брал призы на скачках, особенно после того, как приобрел породистую лошадь по кличке «Град», которую «знал весь Петербург». С этой лошадиной кличкой как раз и были связаны эпизоды, сыгравшие «протекционистскую» роль в судьбе штаб-офицера. Вот что об этом рассказывает он сам:

«В 1897 году был я начальником конвоя Российской Императорской миссии в Абиссинии, потом долгое время адъютантствовал в полку и стал часто писать в “Русском Инвалиде”, подписывая свои статьи именем любимой лошади: “Град” — “Гр.А.Д.” Когда, после многих статей, Государь Император узнал, какой это самозванный “граф” пишет в “Русском Инвалиде”, Государь стал и меня заочно называть “Градом”... Государь Император знал меня и лично. Мне приходилось иметь счастье неоднократно представляться Его Величеству. Я подносил Государю для Него и для Наследника Цесаревича Алексея Николаевича свои труды: “Атаманскую памятку”, “Картины былого Тихого Дона”, “По Азии” и “Год войны”. Государь постоянно читал фельетоны, подписанные Гр. А.Д., и некоторые возвращались Военному Министру с собственноручной отметкой Государя синим карандашом, требовавшей справки» («На рубеже Китая»).

А однажды (это случилось 9 мая 1910 года) Петр Николаевич вместе с другими офицерами получил приглашение на завтрак, устроенный императором в царскосельском Александровском дворце по случаю годовщины Офицерской кавалерийской школы. После завтрака, рассказывает Краснов, «Государь взял меня за руку выше локтя и подвел к Михневичу (генерал-лейтенанту, начальнику Генштаба, преподававшему до этого в Офицерской кавалерийской школе. — Т.П.). “Николай Петрович, — сказал Государь, — когда же вы дадите Краснову полк?.. Надо, надо ему дать полк”».

И полк дали. Не могли не дать. «Несправедливость? — рассуждал потом сам Краснов. — Нет, жизнь. Потому

что так естественно старшему начальнику назначить на ответственный пост, дать повышение человеку, которого он лично и хорошо по службе знает и предпочесть его тому, о ком он может судить лишь по аттестации третьего лица, назначить, так сказать, “на веру”.

Однако главное, что всеми виделось за «особой протекцией», — это ни у кого не вызывавшие сомнений заслуги самого офицера, его «особые отличия». Краснов был воин и по рождению, и по высокой профессиональной выучке. Еще в 1906 году, размышляя над итогами русско-японской войны, он опубликовал в «Военном сборнике» цикл статей «О строевом командовании казачьим полком», вызвавший в войсках шумную полемику. Автор сам не стал вовлекаться в спор, но уже тогда принял никак им не афишируемое, удерживаемое в тайне решение: настоятельно добиваться, чтобы «самому стать во главе полка и показать на примере правильность предлагаемых методов».

Открыв страницы воспоминаний Краснова «На рубеже Китая», читатели сами смогут убедиться, что показал полковник «на своем примере». Конечно же, хорошо зная теоретически, он хорошо показал и практически, какой должна быть воинская часть, особенно пограничная. В сибирский казачий Ермака Тимофеева полк, расквартированный в знакомых ему предгорьях Памира, он прибыл «столичной штучкой», чужаком, встреченным настроенно и даже враждебно, а покидал его, получив новое назначение, «своим», родным человеком, которому поверили и отдали сердца и рядовые, и офицеры.

Полковник Краснов был переведен в декабре 1913 года на австрийскую границу командиром донского казачьего генерала Луковкина полка. Этому времени он посвятил книги воспоминаний «О славных боевых днях» и «Накануне войны». Не прошло и года, а его часть в числе авангардных примет на себя удары начавшейся мировой бойни.

«И пришла война, — печально напишет уже в изгнании Краснов в своем поэтическом реквиеме. — Неожиданно грозная и кровавая, и захватила все слои населения, и подняла все возрасты. Старых и малых поставила в смертоносные ряды, и офицера и солдата смешала в общей великой и страшной работе. И явились герои долга и высокой Христианской любви. Легендарные подвиги, запечатленные на картинах для воспитания солдатского, повторились с математической точностью. То ли что мы хорошо их учили и сумели так воспитать солдата, что он стал способен на подвиги, то ли что чувство долга и любви к ближнему в крови Русского солдата и привито ему в семье и в церкви?» («Венок на могилу Неизвестного солдата императорской российской армии»).

В этой войне произошло первое представление Краснова к высшей боевой награде: ему вручается почетное Георгиевское оружие за то, что он «в бою 1 августа 1914 г. у гор. Любича личным примером, под огнем противника, увлекая спешенные сотни своего полка, выбил неприятеля из железнодорожной станции, занял ее, взорвал железнодорожный мост и уничтожил

станционные постройки». А в ноябре — повышение в чине. Ставший генерал-майором, Краснов был назначен командиром бригады в составе Кавказской конной дивизии, знаменитой «Дикой», возглавлял которую любимец офицеров, родной брат царя великий князь Михаил Александрович.

Организаторский талант Краснова-полковника укреплялся и мужал от боя к бою, замечаемый и отмечаемый наградами, повышениями по службе. В представлении к ордену Святого великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени читаем: генерал награждается «за выдающееся мужество и храбрость, проявленные им в бою 29 мая 1915 г. у м. Залещики и с. Жожавы на р. Днестре, где, умело предводительствуя бригадой Кавказской Туземной конной дивизии с приданными к ней ополченскими частями и Конной Заамурской пограничной бригадой, находясь под сильным огнем и при сильном натиске австро-германской дивизии <...> произвел блистательную атаку на нерасстроенную пехоту противника, увенчавшуюся полным успехом, причем изрублено было более 500 человек и взято в плен 100 человек».

Краснов еще не раз отличится в боях, в том числе в конце мая 1916 года в знаменитом Брусиловском прорыве, когда он шел во главе сводной казачьей дивизии. В приказе командующего было особо отмечено: «Бой 26 мая воочию показал, что может дать орлиная дивизия, руководимая железной волей генерала Краснова».

Однако неостановимо надвигался смертоносный для нашего государства 1917 год. Войска России и ее союзников по Антанте усиленно готовились к переломному наступлению: на него возлагались надежды завершить победоносно Первую мировую. Но тому было не суждено сбыться: Россию и Европу потрясли революции.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ГЕНЕРАЛА

*Не поется мне и не пишется,
День деньской в ушах моих слышится:
«Ах ты, Русь моя, Русь родимая,
Ты единая, неделимая!..»
Атаман Краснов подпекает в тон!*

В. Мятлев

Врасцвете сил и на взлете военной карьеры уходил на фронт Краснов, а с войны пришел домой искалеченным: как и у прадеда, тяжелое ранение ноги, обречшее его на пожизненную хромоту. Одно утешало: он оставался духовно не поколебленным, не утратившим ни веры в себя, ни жизнелюбия, ни стремления достойно исполнять присягу. Наступал звездный час генерала Краснова, когда его роль в обществе вознеслась так высоко, что обманчиво казалось: любые свершения ему должны быть по плечу. Всего-то менее двух лет длилось это главное время его жизни — с апреля

Петр Краснов с
супругой Лидией

1917 по январь 1919 года. Но не станем в подробностях излагать события (а они исторические!) этого двухлетия: о них — раскройте его книги — в воспоминаниях «На внутреннем фронте» и «Всевеликое Войско Донское» он сам рассказал нам заинтересованно и, конечно же, пристрастно как активно действовавшее лицо. Остановимся лишь на некоторых уточнениях и акцентах, сделанных уже в наши дни биографами и историками.

Когда настал час выбора, а случилось это в пору революционного безвременья, Краснов не колебался в ответе, с кем он. С Керенским? Нет! С большевиками? Ни в коем разе! С германцами? Нет! Он — с Россией, единой и неделимой. Он — солдат, оставшийся верным долгу и присяге, данной венценосцу. Он с той Россией, которая на его глазах стремительно уходила в прошлое, исчезала безвозвратно и, казалось, навсегда, чего он так и не смог разглядеть и понять, с чем не согласился до последнего мига своей жизни. Генерал не был политиком и быть им не хотел. «Я солдат... и стою вне политики»; «Я не политик и решил идти прямым солдатским путем», — не уставал он объяснять партийцам всех раскрасок, требовательно стягивавшим его в идеологические распри, пытающимся склонить на свою сторону.

В часы раздумий Петр Николаевич не раз вспоминал и, как прежде вслух любимой жене, декламировал заповешее в душу, поразившее его еще в юности стихотворение А.К. Толстого, в герое которого вот только теперь он неожиданно и горестно узнавал самого себя:

*Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами —
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы честь!*

Запомним последнюю строчку: «Я знамени врага отстаивал бы честь!»: она окажется для Краснова providенческой и судьбоносной.

Сразу же после Февральской революции он стал возмущенным свидетелем убыстрявшегося с каждым месяцем разложения армии, что приводило его почти в отчаяние. Солдаты, уставшие от войны, толпами разбегались по домам, а остающиеся в частях уже перестали быть организованным войском, подчиняющимся воле и решениям командиров. В это время Краснов еще продолжал (уже второй год) возглавлять сводную казачью дивизию. Расположена она была в прифронтовой полосе, в десятках шагов от немецких окопов. Может быть, это еще как-то дисциплинировало часть. Но вот казаков отвели с позиций на отдых, заменив пехотинцами, и «начались митинги с вынесением самых диких резолюций», — вспоминает генерал. А 4 мая 1917 года он был арестован группой пехотинцев прямо на глазах у казаков своей дивизии, и те ничего не предприняли, чтоб освободить командира, много раз водившего их в

Петр Краснов перед Первой мировой войной

бой. Это предательство подчиненных более всего потрясло генерала. Он тогда чудом избежал расстрела.

25 августа такой же эпизод повторился: генерала едва не убили, когда он с комиссаром Временного правительства Линде попытался вывести на позиции один из деморализованных стрелковых полков. Проявивший чрезмерную самонадеянность комиссар погиб. Вспоминая об этом, Краснов писал: «Смерть казалась желанной. Ведь рухнуло все, чему я молился, во что верил, что любил в течение пятидесяти лет, — погибла армия!»

В эти августовские дни отчаянную попытку преодолеть хаос и разложение войск предпринял верховный главнокомандующий Лавр Георгиевич Корнилов. Получив его вызов, Краснов, ни дня не медля, отправился в Могилев, в Ставку, где получил приказ: принять в командование конный корпус.

Включившись в петроградскую операцию, он вместе со всеми корниловцами терпеливо ждал обещанной, остро необходимой помощи союзников. И вот дождалась... «На моих глазах, — вспоминал позже Краснов, — одели солдат и офицеров великолепной по духу Северо-Западной армии в прекрасные френчи и пальто и не дали патронташей. Тыл был в восторге и благословлял англичан, фронт недоумевал. Привезли испорченные танки, дали пушки и не дали лошадей к ним, дали русские винтовки и не дали патронов, дали английские винтовки и русские патроны, обещали взять Кронштадт и дали два выстрела по Красной Горке, а потом передали эстонцам, обратили офицеров и солдат в белых рабов на торфяных, сланцевых и лесных работах, потом бросили их воевать заодно с Польшей, которая дралась не с большевиками, а с Россией и, наконец, посадили их за решетку». И Краснов приходит здесь к выводу и уроку: «Англии страшна Россия и, в первую очередь, Англия добилась уничтожения армии в России» («Весна 1921 года»; курсив автора).

В предательстве союзников Краснов видел одну из главных причин того, почему не стала триумфальной

эта попытка Корнилова, названная мятежом: генерал был смещен и арестован. Из тюрьмы Корнилову удалось вызволиться и он отправился на Юг, где возглавил формирование Добровольческой армии. Но в декабре в бою под Екатеринодаром (Краснодаром) шальной снаряд угодил в его штаб, и генерал погиб.

Конный корпус Краснова находился на позициях под Петроградом, когда в ночь на 26 октября свершился-таки большевистский переворот. В историческое утро в расположение его части явился не кто иной, как сам Керенский, бежавший из Питера. Вскоре Петр Николаевич был вызван к Александру Федоровичу, еще не расставшемуся с постами Главковерха и главы Временного правительства.

В эти дни, вспоминает Краснов, «временного правителя России была истерика, точно у забеременевшей гимназистки». Пока генерал шел на встречу с Керенским, в его душе нарастали брезгливость и протест: зачем идет к самонадеянному позеру? «Керенский полководец!.. Он разрушил армию, надругался над военной наукой, и за то я презирал и ненавидел его. А вот иду же я к нему этою лунною волшебною ночью, когда явь кажется грезами, иду, как к Верховному Главнокомандующему, предлагать свою жизнь и жизнь вверенных мне людей в его полное распоряжение?»

И далее дает важное не только для историков объяснение своего поступка: «Да, иду. Потому что не к Керенскому иду я, а к Родине, к великой России, от которой отречься я не могу. И если Россия с Керенским, я пойду с ним. Его буду ненавидеть и проклинать, но служить и умирать пойду за Россию. Она его избрала, она пошла за ним, она не сумела найти вождя способнее, пойду помогать ему, если он за Россию».

Не только Краснов так думал в те переломные дни нашей истории. Так считали и все те, кто пытался остановить катастрофу, постигшую Россию. У Керенского тогда хватило мудрости снять с себя и возложить на военного, на Краснова, верховное командование всеми вооруженными силами, верными Временному правительству. Этот

«забытый факт истории», о котором нам впервые напомнил биограф генерала А.А. Смирнов, длился всего-то пять суток, с 27 по 31 октября. Как и предполагал Краснов, замысленный Керенским, но плохо подготовленный «освободительный» поход на Петроград провалился. Главкомандующий помог Керенскому 1 ноября бежать, а сам 2 ноября предстал пленником Троцкого и Дыбенко. Однако далее нераскрытая никем загадка: в тот же день после допросов в большевистском Смольном белого генерала на автомобиле Красного Креста неожиданно доставляют домой, на Офицерскую, 23, т.е. освобождают. Почему? Неужто действительно, как предположили советские историки, «под его честное слово не воевать с советской властью?»

Краснов позже вот что напишет сам: «В сумерки 7 ноября я, моя жена, полковник Попов и подхорунжий Карташов, забравши кое-что из платья и белья, сели на сильную машину штаба корпуса и поехали за город... А в это время на Петроградскую мою квартиру явился от Троцкого наряд Красной гвардии, чтобы окончательно меня арестовать». Значит, арест первый был всего лишь домашним. Генерал в третий (но еще не в последний) раз спасся от неминуемого расстрела.

Краснов, оказавшись в расположении своего кавалерийского корпуса, спешно занялся эвакуацией казачьих частей на Дон: их надо было непременно сберечь для последующих сражений. А далее и для него настал час сказать «последнее прости полку и здравствуй Тихому Дону». 1 февраля 1918 года, вспоминает генерал, «на тряской телеге, запряженной парой худых лошадей, я въезжал в Новочеркасск, потому что куда же мне было ехать больше?!» На всем этом пути его не оставляла тревога за жизнь: «Я приговорен к смертной казни, мои портреты, найденные в вещах моей жены, посланы по всем станциям от Царицына до Пятигорска, чтобы искать меня».

КРАСНОВСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ-УЛЬТИМАТУМ

*Ах, тучки, тучки повисли
И в поле пал туман...
Скажи, о чем задумал,
Скажи, наш Атаман.*

Из казачьей песни

На землю предков Краснов прибыл как раз тогда, когда «отрезвлялись казаки», когда «с первым весенним теплом потянуло от черной степи ароматом чернозема, когда задрожало в розовом тумане степное марево и стали мычать коровы, просясь на луговой простор станичной толоки, — зашумела станица, и грозные стала предъявлять требования комиссару и его совету. Поднимался весь Дон снизу доверху и шел изгонять большевиков и советы».

Поселившись в тихой станице Константиновской, Краснов, словно истосковавшись по перу и чернильнице, быстро, в течение марта 1919 года, пишет приключенческий роман «У подножья Божьего трона», который в берлинском издании (1922) получит название «Амазонка пустыни» и который будет переведен на десять языков. Эта его книга — воспоминание о полевой службе в маленьком гарнизоне в пустыне Центральной Азии, беллетризованный вариант его мемуаров «На рубеже Китая». В Константиновской же пишутся и первые страницы его четырехтомной эпопеи «От двуглавого орла к красному знамени».

Увлеченному творческими замыслами генералу, однако, не довелось отсидеться за письменным столом: его настоятельно зазвали на сессию Круга спасения Дона и упростили выступить. Выслушав 3 мая 1918 года его двухчасовую, неожиданно политическую речь и за нее выразив ему благодарность, Круг затем ста семью голосами против тринадцати при десяти воздержавшихся избрал генерал-майора атаманом Всевеликого Войска Донского. Однако Петр Николаевич атаманский пернач-булаву не принял, а потребовал от Круга прежде рассмотреть и утвердить свой текст Основных законов Войска.

Первая на Дону красновская конституция (этот интереснейший документ позже будет не раз издан) начинается параграфом, который гласит: «Власть управления Войском во всем ее объеме принадлежит Войсковому Атаману в пределах всего Всевеликого Войска Донского». Поистине диктаторское требование: им упразднены действовавшие до этого властные полномочия коллектива — Круга. «Вы хозяева Земли Донской, я ваш управляющий, — сказал Кругу атаман, объясняя свое главное требование. — Все дело в доверии. Если вы мне доверяете, вы принимаете предложенные мною законы, если вы их не примете, значит вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вред Войску. Тогда нам не о чем разговаривать. Без вашего полного доверия я править Войском не могу».

Круг ультиматум атамана принял, хоть и после недолгого замешательства и вспыхнувших споров. Не мог не принять, ибо перед глазами высокого собрания еще не померкло недавнее страшное, о чем позже, в 1922-м в Берлине, прочтут в красновских мемуарах: «окровавленные призраки застрелившегося атамана Каледина и расстрелянного атамана Назарова. Дон лежал в обломках, он не только был разрушен, но он был загажен большевиками, и немецкие кони уже пили тихие струи Дона, священной для казаков реки. К этому привела работа Кругов, потому что и Каледин, и Назаров боролись с их постановлениями, но победить не могли, потому что не имели власти» («Всевеликое Войско Донское»).

В тот отчаянный час надо же было кому-то навести «конституционный» порядок, причем мерами решительными, что называется железной рукой. Донцы наконец-то осознали: им повезло, что такой волевой деятель нашелся. Свои самые сокровенные надежды возложили они в тот день на нового атамана. И не

ошиблись. Облеченному доверием Краснову удалось за короткий срок осуществить свою главную задачу — создать регулярную армию, ту армию, которая пойдет за ним освобождать не только Дон, но и всю Россию. В каждодневных поездках по станицам и полкам он не устал повторять: «Любите свою великую, полную славы Родину — Тихий Дон и мать нашу Россию! За веру и Родину — что может быть выше этого девиза!» И казаки понимали его, открывали ему сердца, готовые идти за ним, куда он позовет.

В своих воспоминаниях Краснов подробно напишет, как в тот грозный час формировались на Дону белые полки, корпуса, дивизии. И убеждает нас цифрами: «Если к 14 мая на фронте находилось 17 тысяч казаков при 21 орудии и 58 пулеметах, то к 14 июля уже 49 тысяч при 92 орудиях и 272 пулеметах. В августе было мобилизовано 25 возрастов. Донская армия составила 27 000 пехоты и 30 000 конницы, 175 орудий, 610 пулеметов, 20 аэропланов и 4 бронепоезда». Для пополнения армии профессиональными кадрами Краснов открывает Донской Императора Александра III кадетский корпус, Новочеркасское казачье военное училище с отделениями пластунским, кавалерийским, артиллерийским и инженерным, Донскую офицерскую школу (по типу той, в которой учился и преподавал сам), авиационную школу, военно-фельдшерские курсы.

Не оказались тщетными усилия атамана: уже к середине июля почти вся территория Войска была освобождена от большевиков. Краснов не жалеет красок, описывая в мемуарах донцов-молодцов, стоявших на рубежах, где шли бои не на жизнь, а на смерть за свой Дон и за свою Россию, раздираемую революционными потрясениями и вторжением германцев. «Все прекрасное, храброе, героическое, — страстно пишет он, — все военное и благородное отходит на фронт. Там совершаются подвиги, красотой которых умиленно любуются мир, там действуют чудо-богатыри Марковы, Дроздовские, Нежинцевы. Там красота, благородство и героизм».

И тут же горестно добавляет: «Но чем дальше отходишь от боевых линий к тылу, тем резче меняется картина. Все трусливое, уклоняющееся от боя, все жаждущие не подвига смертного и славы, но наживы и наружного блеска, все спекулянты собираются в тылу. Здесь люди, не видевшие раньше и сторублевого билета, ворочают миллионами рублей, и у них кружится голова от этих денег. Здесь продают “добычу”, здесь постоянно вращаются герои с громадной популярностью в тылу и совершенно неизвестные на фронте. Фронт оборван, бос и наг, фронт голоден — здесь сидят люди в ловко сшитых черкесках, в цветных башлыках, во френчах и галифе, здесь пьют вино, хвастают своими подвигами, звенят золотом и говорят, говорят. Там, в передовых окопах, про политику не говорят, о будущем не думают, смерть сторожит эти думы — здесь политиканствуют и создают такую окраску и физиономию, которой армия на деле не имеет».

16 августа 1918 года в Новочеркасске был устроен праздничный парад в честь освобождения Дона от красных. А после торжеств Большой Войсковой Круг постановил: присвоить атаману высшее воинское звание, маршальское — генерал от кавалерии.

Краснов еще в те дни, когда только приступал к многотрудным атаманским обязанностям, для себя ясно определил, кто в его окружении идет с ним безоговорочно и кто ему во всем препятствует. «У меня четыре врага, — писал он, — наша донская и русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, — мой самый страшный враг; генерал Деникин; иностранцы — немцы или союзники — и большевики. И последних я боюсь меньше всего, потому что веду с ними открытую борьбу, и они не притворяются, что они мои друзья». В этом кредо казачьего атамана обращает внимание прежде прочих его заявление: «самый страшный враг» — погрязшие во лжи политики, лукавцы-партийцы, рядящиеся ради властвования в любые маски, только бы переманить «человека с ружьем», поставить под свои знамена.

Однако надо же было с кем-то идти Краснову. Но с кем? С командующим Добровольческой армией Деникиным? Он, конечно же, союзник первый в борьбе с большевиками. Но с ним столько расхождений — и принципиальных, и таких, что основаны на взаимных поправках. «Генерал Деникин, — пишет атаман о главном, — заговорил о едином командовании и о том, что желательно поступление донских частей в Добровольческую армию». Это вполне возможно, соглашается Краснов, но при одном условии: если есть единый фронт. А где он, этот фронт? Бои идут всюду, едва ли не в каждом населенном пункте. В мае, когда он стал атаманом, из 252 донских станиц только в десяти власть была не у большевиков. Кто их будет выдворять?

И все-таки втянутый в политические схватки Краснов вынужден и сам то и дело прибегать к лицедейству. Вот вождь Дона, не уступая дипломатам в искусстве убеждения, решается в первые же дни властвования на переписку даже с германским императором Вильгельмом, несомненным врагом России, а значит и его тоже, в войне с которым казак два с лишним года не щадил жизни, стал в боях с ним калекой и российским героем. А теперь вот терпеливо, настойчиво и не безуспешно добивается у оккупантов того, чтобы «Войско Донское было признано впредь до освобождения России от большевиков самостоятельной республикой». Да, Краснов заигрывает с германцами, для него безусловно врагами, только бы не перестали они поставлять ему оружие, которым, кстати, не брезгует и германофоб Деникин, хотя знает, что оно от немцев.

С осуждением красновцы наблюдали, как в деникинской Добровольческой армии — преимущественно офицерской по составу — утверждалась дисциплина упрощенная, зато внешне эффектная. «Часто офицерски распущенная», — уточняет Краснов. И тут же приводит цитату из книги А.А. Суворина «Поход Корнило-

П. Краснов в нацистской форме инструктирует новобранцев

ва», в которой известный публицист дал оценку, какой была в тот период Добровольческая армия Деникина: «Доблести много, дисциплины мало!» Здесь тоже видится ответ на вопрос, почему Краснов после тяжких размышлений пошел своим путем, не соединил свои 60-тысячные казачьи войска с 12-тысячным добровольческим отрядом, жившим к тому же на содержании у донцов, которые снабжали деникинцев не только оружием, но и войсковым довольствием.

Обвинял Краснов Деникина и еще в одном: «В Добровольческую армию вместе с идейными юношами шли шкурники, и эти шкурники прочно оседали в тылу и теперь наводнили Ростов и Новочеркасск. И вот начались те тяжелые отношения между Доном и Добровольческой армией, которые бросались в глаза человеку вдумчивому. Сами армии были дружны вечной дружбой, спаянной вместе пролитой кровью, но тылы ссорились, и генерал Деникин и его окружающие, которые жили в тылу тыловой жизнью, поддались этому тыловому, враждебному Дону, настроению».

Деникин предпринимает в противоборстве с Красновым ряд мер, из которых далеко не все можно считать честными и оправданными, способствовавшими успеху общего дела. Например, назначает начальником отдела пропаганды своего штаба бывшего владельца ростовского издательства «Донская речь» и сочувственника революционеров Н.Е. Парамонова. Разве не знал Деникин, что это давний недоброжелатель Крас-

нова? А, может, назначение осознанное, чтобы развернуть широкую печатную и устную агиткампанию против атамана-самостийщика?

Расстроенный и возмущенный начавшейся травлей, пишет Петр Николаевич 8 января 1919 года сперва генералу А.М. Драгомирову, а потом копию письма-протеста отправляет и Деникину, которому решительно заявляет: «Если командование Добровольческой армии желает непременно устранить меня с моего тяжелого поста, не проще ли и не честнее ли прямо мне сказать, чтобы я ушел, нежели валить меня путем пропаганды, потому что этим путем вы и меня свалите, но и Дон не устоит. Выгодно ли это для России, да и для Добровольческой армии? Я не тянусь к власти. Более того, она меня тяготит, я ее ненавижу. Когда соберется Круг, я поставлю вопрос ребром о моем увольнении и сошлюсь и на желание такого удаления меня и Добровольческой армии, для которой я слишком непослушный сын».

Дальнейшие события завершились постановлением Войскового Круга, принятым после двухдневных острых дебатов в полночь 2 февраля 1919 года: «В силу того, что Донской Атаман генерал от кавалерии П.Н. Краснов после выраженного Войсковым Кругом недоверия командующему Донской армией генерал-лейтенанту С.В. Денисову заявил, что выражение этого недоверия простирается и на него, Донского Атамана, как Верховного руководителя армии, и потому он отказывается от должности Донского Атамана и просит Круг озаботиться выбором ему пре-

емника, Войсковой Круг постановил: отставку Донского Атамана П.Н. Краснова принять».

Узнав об отставке брата, Платон Николаевич Краснов, «железнодорожник в генеральском чине», прислал за ним и его женой специальный вагон. А новочеркасское казачество устроило своему атаману торжественные проводы. Еще более парадно, с почетным караулом лейб-гвардейцев его родного Атаманского полка встречали Петра Николаевича в Ростове. Дон с сожалением расставался со своим вождем, разлучался, как оказалось, навсегда. Генерал И.Н. Оприц, написавший историю полка атаманцев, пишет, что в тот день Краснов не удержался от прощальных взволнованных слов. «Я глупо тронут вашим вниманием ко мне, дорогие лейб-казаки, — сказал он. — Я уже больше не атаман вам, не имею права на почетный караул. Я смотрю на ваш приход сюда со святым штандартом, как на высокую честь и внимание. Вы мне дороги, ибо я связан с вами долгими узами, и узами кровными: мои предки служили в ваших рядах, в течение двадцати лет моей службы в лейб-гвардии Атаманском полку я был в рядах одной бригады и сколько раз я стоял со своим Атаманским штандартом подле вашего штандарта... Служите же Всевеликому Войску Донскому и России, как служили всегда ваши отцы и деды, как подобает служить первому полку Донского войска, доблестным лейб-гвардии казакам».

По мере того как власть в станицах вновь переходила к советам, начались после отъезда Краснова кровавые репрессии на Дону. Оказывается, ВЦИК принял к исполнению палаческий циркуляр ЦК РКП(б) «Об истреблении казачества», подписанный Я.М. Свердловым 29 января 1919 года и остававшийся секретным до наших дней. В директиве предлагалось: «Провести массовый террор против казаков, истребив их поголовно. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты; это относится как к хлебу, так и ко всем сельскохозяйственным продуктам. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания» (цит. по изд.: Смирнов А. Атаман Краснов. Биография. М: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 170–171).

И бойня началась. В ту весну только на Дону поспешно, без суда и следствия расстреляли более восьми тысяч казаков, в том числе на родине Красновых (и родине нобелевского лауреата М.А. Шолохова), в Вешенском районе, казнили более шестисот донцов. Террор здесь возглавлял А.Г. Белобородов, тот самый, что за полгода до этого руководил расправой над Николаем II и его семьей. Казнить казаков поголовно, как злодейски замыслилось, не удалось и тогда началось так называемое «рассказачивание»: запреты на культурно-исторические обычаи и традиции, ломка веками устоявшегося уклада казачьего быта. Скорбным итогом Гражданской войны стало то, что к 1 января 1921 года Дон лишился каждого третьего жителя.

ХОТЬ С ЧЕРТОМ, НО ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ

*Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года,
Со добра коня не слезаючи,
Из стремян ног не вымаючи,
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости.*

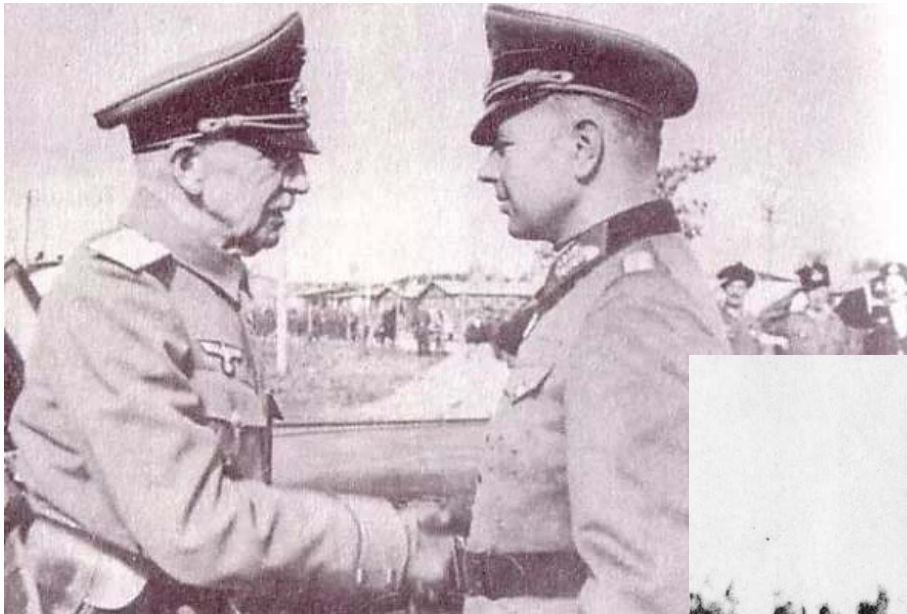
Из казачьей песни

Супруги Красновы, отбыв из Ростова в Батуми, вынужденно задержались на приморской даче старого сослуживца И.И. Дукмасова до середины лета: их здесь не обошла эпидемия черной оспы. В июле едва оправившемся от болезни генералу было уготовано еще одно «расставание». На сей раз унижительное по форме уведомление за подписью Деникина: отбыть в Ревель (с глаз долой, куда подальше от донцов), в распоряжение Н.Н. Юденича, командующего Северо-Западной добровольческой армией. А там опального, негосторчивого атамана зачислили... в резерв.

Однако резервист этим не расстроился, по крайней мере внешне того никак не выказал. Он наконец получил долгожданное, тайно очень желаемое освобождение от дел государственных и военных, отнимавших у него все силы. Краснов вспомнил, что он не только генерал и атаман, но и журналист, писатель. В сентябре 1919 года Юденич, удовлетворяя его ходатайство, поручил ему заняться налаживанием пропагандистской работы в армии. И первое, что Краснов сделал, — организовал издание военной, политической и литературной газеты «Приневский край». Редактором согласился стать хорошо Петром Николаевичем знаемый по книгам штабс-капитан Александр Иванович Куприн.

Красновско-купринская газета стала выходить с 19 октября 1919 года в Гатчине, той самой, где всего два года назад затевался Красновым и Керенским поход на революционный Петроград. Вокруг редакции благодаря главным образом Куприну удалось объединить авторитетный авторский актив. На страницах «Приневского края» помимо самого Куприна и Краснова (под своим старым псевдонимом «Гр. А.Д.») печатались также критик и публицист М.П. Миклашевский-Неведомский, поэт и прозаик А.А. Коринфский (соученик Ленина по Симбирской гимназии, автор воспоминаний о вожде большевиков), Б.В. Савинков (бывший террорист, а затем министр во Временном правительстве).

Увы, скоротечной оказалась пропагандистско-публицистическая и иная деятельность Краснова в добровольческих рядах: Юденич в осенне-зимнем наступлении потерпел крах. 22 января 1920 года главнокомандующий известил его о том, что Северо-Западная армия ликвидируется, ее части интернируются

Встреча нацистского генерала фон-Панвица с генералом П.Н. Красновым. Сентябрь, 1943 г.

П. Краснов присягает Гитлеру

в Эстонию. И супруги Красновы 20 марта 1920 года в экспрессе «Ревель — Берлин» покинули Россию.

Имя Краснова с этого времени встречается не менее чем в полутора десятках эмигрантских объединений, организаций, движений. В большинстве из них он, однако, лишь «свадебный генерал», идейное знамя борьбы, нежели деятель. Как, впрочем, и другие генералы — Деникин, Врангель, Юденич. Нет, вовсе не умиротворились недавние вожди Белого движения. Но деятельность их не простиралась дальше хлопотливо-заграничного бытоустройства русского воинства, сочинения воззваний, составления программ и планов сокрушения большевизма, да еще бесконечных словопрений о том, какой быть грядущей России — монархической? республиканской? конституционной? демократической? социалистической?

В эти дебаты, хотел он того или нет, но то и дело Краснов вовлекался: ему и в эмиграции роль отводилась немалая. В архивных материалах тех лет сохранились достоверные тому свидетельства. Вот что, например, утверждал на допросе в ВЧК 10 ноября 1921 года генерал А.С. Мильковский: «Краснов — один из немногих начальников, на имени которого сходились надежды и чаяния всех. Громаднейшая популярность во всех слоях Д<обровольческой> А<рмии> и казаков» (Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы. М.: Гея, 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 97).

И в документах о планируемых интервенциях в Россию имя Краснова фигурирует также. В «Сводке Иностранного отдела ВЧК» от 10 февраля 1922 года читаем: «Подготавливается десант на Одессу и на кавказском берегу под командованием генерала Краснова, который скоро приедет в Болгарию и возьмет на себя руководство всей компанией вместо генералов Врангеля и Кутепова» (там же. С. 585). В апрельской «Сводке Иностранного отдела ГПУ» Краснов значится походным атаманом казаков в

высшем командном составе Русской армии, готовящейся к вторжению в советскую Россию (там же. С. 613).

Сохранилось немало подтверждений также о неприемлемых разногласиях в стане эмигрантов, в том числе о том, что большинством изгнанников особенно отвергался монархизм, проповедуемый Красновым. Так, в секретном докладе сотрудника Иностранного отдела ГПУ «О настроениях, планах, группировках, союзах и руководителях казачества в Болгарии, их отношении к репатриации, возможных действиях Советской власти по разложению казаков» говорится: «Надо отметить несомненную популярность Краснова у казаков, но путь монархический, на который Краснов поступил, считается неправильным и вызывает у многих сожаление, т.к. все же большинство казаков считает, что единственно кто мог бы быть их вождем, — это Краснов».

Донской экс-атаман являлся в Мюнхене членом Русского монархического союза, в Берлине членом Высше-

го монархического совета, в Париже членом Верховного монархического совета, причём, был в них фигурой вовсе не последней. Кроме того, он стал одним из организаторов «Братства Русской правды» (1921–1933), соредактором журнала «Русская правда» (1922–1933), активно ратовавших за монархические идеалы. Он входил также в руководящие органы воинских союзов и объединений, являлся членом редколлегий ряда изданий.

В попытках понять, что же произошло с Россией, Краснов пишет статью за статьей (их число к этому году превысило тысячу названий). Однажды, получив первую книжку журнала «Русская летопись» за 1921 год, где генерал опубликовал письмо в редакцию «Весна 1921 года», он на соседних страницах обнаружил публикацию, взволновавшую его до боли в сердце. Это была «Молитва перед казнью», написанная в тобольской тюрьме великой княжной Ольгой Николаевной (1895–1918). Он знал ее еще ребенком в ту пору, когда служил в столице, когда на конных празднествах гарцевал перед нею и ее отцом-императором. И вот уже три года, как нет ни княжны, ни царя. А эта вот простая, смиренная молитва девушки, написанная перед тем как принять мученическую смерть, пришла к нему как воспоминание и как напутствие всем остающимся жить. Генерал снова и снова читал эти строки, выражавшие состояние души миллионов жертв Гражданской войны, в том числе изгнанников, и не скрывал слез:

*Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палатей.*

*Дай крепость нам, о Боже Правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать,*

*И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья;
Христос Спаситель, помоги.*

*Владыка мира, Бог Вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час.*

*И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы —
Молиться кротко за врагов.*

В поисках единомышленников Краснов в первые эмигрантские годы еще мечется по Европе, выступает с воззваниями и призывами, надеется на то, что изгнанникам удастся осуществить победное возвращение в

Россию. Во имя этой святой для него цели непоседливая натура воина жаждет серьезного дела и подвига. Русские в Берлине и Париже, в Харбине и Нью-Йорке читали очерки Краснова-публициста не без волнения. Написанные страстно, они находили отклик в каждом, у кого болело сердце за Россию.

«И верю я, — читали эмигранты и соглашались с автором, — что когда начнет рассеиваться уже не утренний туман, но туман исторический, туман международный, когда прояснеют мозги задуренных ложью народов и русский народ пойдет в “последний и решительный” бой с Третьим Интернационалом и будет та нерешительность, когда идут первые цепи туманным утром в неизвестность, — верю я: увидят Русские полки за редееющей завесой исторического тумана родные и дорогие тени легких казачьих коней, всадников, будто парящих над конскими спинами, подавшихся вперед, и узнает Русский народ с величайшим ликованием, что уже сбросили тяжкое иго казаки, уже свободны они и готовы свободными вновь исполнять свой тяжелый долг передовой службы, чтобы, как всегда, как в старину, одиннадцать крупными жемчужинами казачьих войск и тремя ядрышками бурмитского зерна городских полков вновь заблестать в дивной короне Имперской России».

Остается только удивляться, как при огромной загруженности эмигрантской суетой-тщетой находил он время и для писательской деятельности, как удавалось работать одновременно и над статьями, и над мемуарными книгами «На внутреннем фронте», «Все великое Войско Донское», и над четырехтомной эпопеей «От двуглавого орла к красному знамени» (1921–1930).

Краснов-эмигрант живет то в Германии (под Мюнхеном), то во Франции (в замке Сесен, деревне Сантени, Даммари-ле-Ли), то снова в Германии (на вилле в Далевике под Берлином). Здесь, в изгнании, наверное, впервые за всю жизнь дано ему было почувствовать, что такое избыток свободного, ничем не заполненного времени. Краснов вспоминал: «Я мечтал пятидесяти лет (после пятидесяти — какой же может быть кавалерист!..) выйти в отставку и стать ни больше ни меньше, как русским Майн Ридом!»

Как раз после пятидесяти и осуществилось мечтательное, давно им ожидаемое: погрузиться без оглядки на службу и обязанности в творческую работу. «Русский Майн Рид» в эти годы написал свои лучшие книги. Они составили, по авторскому определению, «историко-бытовой цикл», тематическое продолжение его эпопеи — «Опавшие листья» (1923), «Понять — простить» (1923), «Единая-неделимая» (1925). «Все четыре романа, — представляет он читателям свой осуществленный замысел, — совершенно самостоятельны, и в то же время все четыре есть единое. Их связывает в главных очертах единство времени — последняя историческая эпоха Императорской России, война и смута, единство места — С.-Петербург и Юг России, и единство быта — русский военный и мирный быт». Здесь добавим: к этому циклу автор позже присоединил романную трилогию об императорской лейб-гвардии «Largo» (1930),

«Выпашь» (1931), «Подвиг» (1932) и еще несколько книг.

«Те, кого я описываю, — поясняет далее Краснов, — жили так, как это написано, и умерли тою ужасною смертью, как я это описал. Я буду счастлив, если мне удалось пролить свет в ту тьму, что окружает теперь Россию, и если читатель поймет, где скрывается та единая-неделимая, спаянная братскою любовью Россия, которая скоро восстанет из гроба ярким светом христианской любви и озарит святым учением Христа народы Запада, погибающие в материализме».

Писатель то и дело удалялся от современности в далекое и близкое прошлое, словно ища и там ответы на свои сегодняшние вопросы. Так им были созданы исторические хроники «Единая-неделимая» (1925), «С Ермаком на Сибирь» (1929), «Цесаревна» (1933), «Екатерина Великая» (1935), «Цареубийцы» (1938).

О Краснове-прозаике не станем говорить подробно: его творчество, несомненно, заслуживает особого, отдельного и серьезного литературно-критического рассмотрения. Тем же, кого заинтересует его художественная проза, скажем: прочитайте его романы — о затраченном времени не пожалеете, откройте любой и не оторветесь до последней страницы. Именно так Краснова читала эмиграция всех трех ее волн. Читала неравнодушно. Одни — растроганно: «Это про нас, про нашу Россию, про нашу трагедию». Другие — с протестом и возмущением. Третьи — отстраненно, но с пониманием, соглашаясь с его толкованием исторических событий: «Да-да, так это и было».

Историки литературы долгие годы числили Краснова в скромных рядах беллетристов. И только тогда изумились, когда стали его читать так же серьезно, как это сделал однажды Иван Алексеевич Бунин. Знакомство с творчеством Краснова явилось для нобелевского лауреата поздним открытием нового интересного литературного имени. «...Читаю роман Краснова “С нами Бог”, — записал Бунин в дневнике 28 августа 1940 года. — Не ожидал, что он так способен, так много знает и так занятен».

Таким же открытием, но на двадцать лет раньше Бунина, стали книги генерала для А.И. Куприна. Прочитав «с самым живым интересом» первый том красноновской эпопеи «От двуглавого орла к красному знамени» («выйдет размером мало-мало меньше “Войны и мира”»), Александр Иванович в 1921 году написал: «У П.Н. Краснова есть о чем сказать. Видел и испытал он за эти времена так много страшного и величественного, уродливого и прекрасного, что хватило бы на десяток средних, заурядных жизней. И надо признать, судя по первому тому, что все, близко знакомое автору, лично им наблюденное и пережитое, он умеет передавать ярко и выпукло, с настоящим мастерством, с особенно широким подъемом в массовых сценах, с благородным пафосом» («Общее дело», Париж. 1921. 9 мая).

Напомним: первые страницы своей главной книги Краснов написал еще в 1918 году в донской станице Константиновской. Впервые увидевший свет в 1921 году в Мюнхене, пятисотстраничный том, а затем и вся

П.Н. Краснов

эпопея тотчас попали в настольное чтение русской публики во всех уголках эмигрантского рассеяния. До начала Второй мировой войны многотомник не раз публиковался в Германии, Франции, США, его перевели и издали на пятнадцати языках Европы, Америки и Азии. Общий тираж книги превысил рубеж, рекордный и для нашего времени, — два миллиона экземпляров. Наряду с огромным интересом эпопея вызвала полярные суждения критиков и читателей — от восторженных до кислых и возмущенных. И в них, как в зеркале, предстала сама эмиграция — разноликая, не только белая и красная, но многоцветная, расколота на десятки без конца спорящих и ссорящихся групп, как раз такая, какой она изображена пером Краснова.

Однако были и замечания, к которым автор отнесся бы с пониманием и, может, согласился бы с ними, но не довелось ему их прочитать. Вот одно из них, принадлежащее Роману Гулю, участнику «Ледяного похода» генерала Корнилова и писателю русского зарубежья: «П.Н. Краснов умел и мог прекрасно писать, но только о том, что он знал. Все его военные картины (бои, парады, военная жизнь) всегда ярки, свежи и, конечно, с большим знанием. До сих пор помню его чудесную

статью «Казачья лава» в каком-то военном журнале. Но когда П.Н. Краснов в своей трилогии писал о «мировом масонском заговоре» и выводил эмигранта Ленина-Ульянова под фамилией Бурьянова, это было плоховато» (Гуль Р. Я унес Россию. Т. 1. М., 2001. С. 167). Действительно, «плоховато» у генерала Краснова было все то, что касалось политики, — в этом единодушие явили не только литераторы, но и историки.

Какой политической деятельностью занимался Краснов в период с июня 1941 по июнь 1943 года, сведения об этом в германских архивах не отысканы. Да скорее всего их там и нет, и деятельности этой, как полагают историки, вероятнее всего тоже не было. Ни слова об этом не сказано даже в двенадцатитомном следственном деле Краснова, составленном в НКГБ в 1945 году. Генерал и писатель с 1938 года жил на вилле в Далевице и занимался подготовкой к изданию своих книг, а также сотрудничал в журналах и газетах (особенно в берлинском еженедельнике «Новое слово» и «Парижском вестнике»).

Об атамане германцы вспомнили только тогда, когда дела их совсем стали плохи и потребовался красновский авторитет для того, чтобы не разуверилось в них казачество, находившееся в частях вермахта. С 18 июня 1943 года незваные гости зачастили с визитами на красновскую виллу. Главноуправляющими выступили генерал-майор Хельмут фон Панвиц, командир кавалерийской дивизии, и Н.А. Химпель, возглавлявший кавказский отдел в восточном министерстве рейха. Начали издали: попросили прочесть высшим офицерам СД лекцию об истории российского казачества. Затем предложили написать воззвание к казакам (оно было тотчас размножено и листовками разбросано на восточном фронте). А в июле Краснова убедили принять пост начальника управления по делам казаков в восточном министерстве. Здесь так и хочется воскликнуть: о, Господи, что же ты не вразумил заблудшего раба своего, не остановил вовремя, чтобы он, много лет преданно служивший своему народу и своему отечеству, не навредил им в роковой час!

Прогерманская его «деятельность» началась с поездки в 1-ю казачью дивизию, почетным шефом которой ему предложили стать. Встреча была организована почти как встарь: с оркестром и рапортами, церемониальным прохождением войск и торжественным банкетом. Вместе с фон Панвицем принимая присягу казаков на верность России и... Гитлеру, престарелый атаман умилился и расслезился, снова поверил, как в 1918 и 1919 годах: германцы помогут возродиться Всевеликому Войску Донскому, избавят Россию от большевиков. «Краснов, — пишет историк, — неизбежно «наступал на грабли» времен Гражданской войны: Донское войско не могло быть вне России — он, споря с этой истиной, уже проиграл в 1919 году. Но теперь, взяв в союзники фашистскую Германию, пытался опровергнуть ее снова» (Смирнов А. Атаман Краснов. С. 274).

Обласканный казаками и германцами, возбужденный и полный энергии, 75-летний атаман, вернувшись

в Берлин, взялся за налаживание широкой агитации и пропаганды, как раз того, чего требовали от него прежде всего, а также за объединение всех казачьих частей. «Казачьему государству» фашисты временно выделили, по соглашению с Муссолини, итальянские земли вокруг альпийского городка Алессо, переименованного казаками в еще один Новочеркасск. Здесь разместились восемнадцать донских, кубанских и терских поселений — станиц. В «своей» новой столице казаки открыли школы, юнкерское училище и даже театр. Походный атаман Т.И. Доманов готов был в любой момент выполнить приказ Краснова: поднять по тревоге двенадцать тысяч строевиков и еще столько же отмобилизовать.

Но генералу Краснову (опять «свадебному») и его сподвижникам не пришлось этого делать. Им уже недолго оставалось пребывать в мечтательном заблуждении и несбыточных надеждах: война, вошедшая в нашу историю как Великая Отечественная, как народная и священная, стремительно шла к победному завершению. И вот финал: 7 мая 1945 года Краснов вместе с тремя племянниками-офицерами сдался английскому командованию в Австрии, а 31 мая был передан конвою войск НКГБ СССР в Юденбурге. Жена Лидия Федоровна осталась за пограничным шлагбаумом и судьба ее неизвестна.

ЭПИЛОГ: «НЕ СМЕЙ ВОЗНЕНАВИДЕТЬ РОССИЮ»

*А на Голгофе в ночь ни слез, ни отпеванья,
Лишь только ветра стон и... мученика
крест.
Окончен путь страданья...*

Е. Димер

Ныне мало кто знает, что у российского казачества, рассеянного войнами по городам и весям всего бела света, есть свой собственный день плача, день скорби, день поминовения: 1 июня. В этот день в 1945 году произошло событие, описываемое мемуаристами под названием «Трагедия Лиенца». Что же это за дата, ставшая для казачества траурной?

На территории, оккупированной англичанами и американцами, скопились в конце Второй мировой войны миллионы россиян — пленных, репатриантов, эмигрантов с зарубежными паспортами. «Правда» 7 сентября 1945 года писала: «Общее количество репатрированных до 1 сентября советских граждан достигает 5 115 709 человек, в том числе 1 835 910 человек передано непосредственно через линию соприкосновения советских войск с армиями союзников». Среди последних оказались казаки и казачьи офицеры, которые советскими гражданами никогда не были: в 1918–1920 годах

Семен Николаевич Краснов с супругой и атаман Петр Николаевич Краснов с супругой

они сражались против большевиков рука об руку с их нынешними союзниками. Потому-то некоторые политики и историки, особенно зарубежные, до сих пор относят эту группу репатриантов к третьей силе в войне. Так сперва считали и англичане, намеревавшиеся оставить пленников у себя (дескать, когда-нибудь пригодятся), но затем, как расценили казаки, поступили предательски: по настоянию советской стороны пленников передали СМЕРШу 3-го Украинского фронта. Отдали, как оказалось, на расправу (по мнению А.И. Солженицына, «передача эта носила коварный характер в духе традиционной английской дипломатии»).

Союзники к концу войны из Казачьего Стана, разместившегося в Северной Италии, вывезли в окрестности австрийского городка Лиенц десять полков казаков и юнкеров училищ вместе с обозами, лошадьми, оружием и семьями. Это были в основном уроженцы донских, кубанских и терско-ставропольских станиц, общим числом 38 тысяч. Из них к 28 июня 1945 года отобрали «первоочередников» для передачи чекистам — 2 600 офицеров во главе с генералом Красновым — и увезли эшелонами в Юденбург. Здесь на мосту через реку Мур и начался последний поход разоруженных то ли прислужников, то ли союзников фашистов — «поход» в лагерь, тюрьмы, расстрельные камеры, на виселицы.

Траурную дату 1 июня казачество отмечает ежегодно в зарубежных, а с недавнего времени и в российских станицах. Отмечает поминальными молебнами в

храмах и часовнях, конференциями ученых, встречами выживших участников «трагедии Лиенца», мемориальными выпусками журнала «Станичный вестник». Жертвам Лиенца покаянно поставлен в Лондоне памятник, сооруженный на пожертвования англичан (список жертвователей открыла глава британского правительства Маргарет Тэтчер). А к пятидесятилетию события в 1995 году учредили еще и памятный знак — черный крест с белой надписью «Лиенць».

Краснов сдался, как и все его сподвижники-подельники, признав вину полностью. 16 января 1947 года в 15 часов коллегия военного суда предоставила казачьему атаману последнее слово. Вот что он сказал (по документам следственного «Дела белогвардейцев — казачьих генералов» № Н-18 768):

«Два месяца назад, 7 ноября 1946 года, я был выведен на прогулку. Это было вечером. Я впервые увидел небо Москвы, небо моей родины, я увидел освещенные улицы, массу автомобилей, свет прожекторов, с улиц доносился шум...

Это мой русский народ праздновал свой праздник. В эти часы я пережил очень много, и прежде всего я вспомнил про все то, что я сделал против русского народа. Я понял совершенно отчетливо одно — что русский народ имеет такие достижения, о которых едва ли кто мог мечтать... Тут только я понял, что мне нет и не будет места в этом общем празднике... Я осужден русским народом... Но я бесконечно люблю Россию... Мне нет воз-

Петр Краснов в эмиграции. 1930-е

врата. Я осужден за измену России, за то, что я вместе с ее врагами бесконечно много разрушал созидательную работу моего народа... За мои дела никакого наказания не страшно, оно заслуженно... Я уже старик, мне недолго осталось жить, и я хорошо понимаю, что не могу жить среди русского народа: прожить скрытно нельзя, а показываться народу я не имею права... Я высказал все, что сделал за тридцать лет борьбы против Советов... Я вложил в эту борьбу и мои знания, и мою энергию, все мои лучшие годы и отлично понимаю, что мне нет места среди людей, и я не нахожу себе оправдания» (цит. по изд.: Смирнов А. Атаман Краснов. С. 338–339).

Выслушал Краснов судебный вердикт, зачитанный прокурором, понимающе. Приговор был суровым и беспощадным (иного никто и не ждал, в том числе и он сам):

«Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению арестованных агентов германской разведки, главарей вооруженных белогвардейских частей в период Гражданской войны атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта Белой армии Шкуро А.Г., командира Дикой дивизии — генерал-лейтенанта Белой армии князя Султана Килыч-Гирея, генерал-майора Белой армии Доманова Т.И., а также генерала германской армии эсэсовца фон Панвица Хельмута в том, что по заданию германской разведки

они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против СССР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых Краснова П.Н., Шкуро А.Г., Султана Килыч-Гирея, Краснова С.Н., Доманова Т.И. и фон Панвица к смертной казни через повешение.

Приговор приведен в исполнение» («Правда», «Известия» от 17 января 1947 г.).

В качестве эпилога приведем воспоминание югославского лейтенанта Н.Н. Краснова (1918–1959), внучатого племянника казненного генерала, о последней его встрече с дедом в июне 1946 года. Долго беседовать узникам довелось в бане Лефортовской тюрьмы. Петр Николаевич взволнованно напутствовал внука, которому посчастливится выжить и после десяти лет лагерей уехать в эмиграцию, где, выполняя просьбу деда, он напишет и издаст мемуары «Незабываемое» (Сан-Франциско, 1957).

«...Что бы ни случилось, — завещал Петр Николаевич внуку, — не смей возненавидеть Россию. Не она, не русский народ — виновники всеобщих страданий. Не в нем, не в народе лежит причина всех несчастий. Измена была. Крамола была. Недостаточно любили свою родину те, кто первыми должны были ее любить и защищать. Сверху все это началось, Николай. От тех, кто стоял между престолом и ширью народной...

...Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрет. Можно уничтожить миллионы людей, но им на смену народятся новые. Народ не вымрет. Все переменится, когда придут сроки. Не вечно же будет жить Сталин и сталины. Умрут они, и настанут многие перемены».

И перемены пришли. Провидя их, одного предугадать не мог белый генерал: в новой России, несмотря на его огромные, не прощаемые вины перед российским народом, издадут все им написанное, напишут книги и сотни статей о нем самом, прошедшем путь от героизма до предательства и до его запоздалого, в шаге от виселицы покаяния. Все случится так, как в библейском назидании о заблудшей овце, читанном ему отцом еще в детстве: «Но Он сказал им следующую притчу: кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяносто девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А найдя, возьмет ее на плечи свои с радостью и, придя домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадуйтесь со мною: я нашел мою пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». **ИБ**